

Поэт. Живет в Минске (Беларусь).

Татьяна ШЕИНА

НАЧАЛО МИРА

* * *

"Межсезонье проиграно!" - скользкая ложь во благо.
Трупы листьев складирова, дворник кричит: "Зажжём-ка!"
Завтра поле баталий накроется белым флагом -
Первой чистой мечтой новоявленного божонка.

Мы проспимся в берлогах, по людям оголодаем,
Перепишем архив, предрассудки поизживаем.
Те и эти, глядишь, побратаются городами,
А совсем в идеале - подружатся с головами.

Через tabula rasa проступят не буквы - Знаки:
Всё, что было, и даже немного того, что будет.
Кислота межсезонья нужна, чтобы выесть накипь
На проржавевших душах, в которых бурлили бури.

Завтра выбегут дети - реальность лепить, смеяться,
Очищающе-белым бросаться в идущих мимо.
А божонка, укрывшийся облачным одеяльцем,
В первом утреннем сне нарисует начало мира.

* * *

Состояние "никак",
Дислокация "нигде",
Нежелание вникать
В положение всех дел
С тревожностями масс:
Спор абсурден, но горяч.
Мир опять летит с ума -
Жаль, что я ему не врач/
К счастью, я ему не враг -
Не убить и не спасти.
На горе расселся рак
И отчаянно свистит -
То ли зычное "ура!",
То ли с Богом тет-а-тет.
Вроде, действовать пора,
Но не хочется хотеть.
Можно гнев облечь в стихи
И надеяться вот-вот
Выйти чистым и сухим
Из потока сточных вод.
Можно слушать волчий вой,
Наблюдать парад планет,
Можно - в омут с головой.
Только смысла в этом нет.

И сидишь бессчётный день,
Нянча небо на руках,
В дислокации "нигде",
В состоянии "никак".

* * *

Взросление - мельница: зёрнышки-многоточия
Родительских чувств истираются в порошок.
"Люблю тебя, зай!" - отбиваешь с работы дочери.
В ответ - через час - лаконичное "хорошо".

Приходишь домой - изрекает: "Желаю здравствовать!", -
На миг оторвавшись от бодрого до-ре-ми.
Второй, у порога к щеке приложившись наскоро,
Бежит за компьютер. Он занят: спасает мир.

И вроде бы, всё хорошо, не без настоящей,
Глядишь, с удивлением видишь свои черты...
Но вот - из объятий выскальзывают, как ящерицы:
Всё больше у них интересов важней, чем ты.

А после придёт подростковость с её "идите все!",
Учёба, карьера, отлёт по чужим домам.
И ты, беззащитный какой-то в своём родительстве,
Берёшь телефон.
"Добрый вечер! Ты как там, мам?"

* * *

С просторов ночи в клетку дня перенесён,
Художник вскакивает. Страх свистит, как плеть.
Он видел яркий, полноцветный, важный сон -
Теперь сумеет бы этот сон запечатлеть!
«Там цвет был – свет, а свет был – Бог, а Бог был – суд», -
Хватает кисть, - «А блик был – мир, а мир был – я»...
Перевести супрематическую суть
На примитивную основу бытия –
Фрагмент задачи без начала и конца:
Кинжальны грани гениальной простоты.
Какая оптика живёт в глазах творца,
Какой проектор «мысли-пальцы-кисть-холсты»?!
Дрожит палитра. «Ты сумеешь, Казимир!
Твой сон был – цвет, безмерно ярок и глубок!»
...И возникает чёрный крест – по сути, мир.
И расцветает алый шар – по сути, Бог.

* * *

Душу когтит ужасно
Сотня свирепых кошек.
Дуб, разреши прижаться
К бурой шершавой коже!
Мох из её морщинок
Мягко щекочет щёку.
Белка уселась чинно
Жёлуди в кроне щёлкать.
Ворон смакует лужи,
Словно ценитель - вина.

Я проникаю глубже -
В самую сердцевину,
Чувствую соков токи,
С ними несусь из почвы
В кончики веток тонких,
В спящие мирно почки.
Солнечный верхний ярус,
Медленный вдох и выдох...
Плаваю, растворяюсь
В запахах, звуках, видах.
Быть и никем, и всеми -
Жёлудем, лужей, птицей...
Падаю в тело - семя.
Дуб, разреши проститься,
Чтобы опять ввязаться
В петли событий. Сдюжу!
Стая пушистых зайцев
Мягко щекочет душу.

* * *

Наплывала тень от старых башен
На гнилой бревенчатый причал.
Паренёк, нетрезво-бесшабашен,
Хорохорясь, девушке кричал:
«Что ты носом хлюпаешь, Полина?
Всё нормально будет, хватит ныть!
Дед прошёл до самого Берлина,
За спиной у бати – две войны,
У мамыши - рыцарские корни.
В общем, я боец, как ни крути!
Пусть собою поле боя кормят
Трус, дурак, слабак и дезертир.

Ну не плачь, родная, тише, тише!
Вот те крест: вернусь – живых живеи!
Женимся, заделаем детишек –
Пару дочек, пару сыновей.
Твой отец уже не глянет косо:
Зять-то побывал на боевой!»
Сидя над водою у откоса,
Трогая отточенную косу,
Смерть с улыбкой слушала его.

* * *

Я маленькая белая лошадка,
Приписанная к детской карусели.
Я начинаю жить в начале мая,
Когда, под бодрый маршевый мотив,
Взлетают на меня с подножки шаткой
Частички воплощённого веселья -
И жарко шепчут, крепко обнимая:
«Лошадушка, коняшка, прокати!»

А рядом по тропе в неспешном ритме
Гуляет вороной печальный пони.
Он фыркает, катая малышей – и
Как будто лишний в этой суете.
Он в перерывах и-го-говорит мне,
Что парк - кошмар, что счастье - это поле,
Где мягкая трава щекошет шею,
Где близко нет ни взрослых, ни детей.

Я не считаю парк невыносимым
И очень редко думаю о счастье –
Оно едва ли в криках «едем-едем!»,
В счастливых бесконечных «но!» и «тпру!» -
Но ненавижу осени и зимы:
Из них торчит моя ненастоящность,
Как вата из дыры в боку медведя,
Забытого на лавке поутру.

* * *

Пишу судьбу – водою по воде.
Не обессудьте, если прочитали:
«В ремонт часов не приняли мой день –
Сказали, слишком мелкие детали».

А день разбит: сквозь трещины сочась,
С него тягуче капаят секунды.
Не совпадая, стрелки «здесь/сейчас»
Несутся в никуда из ниоткуда –
По часовой и против часовой -
Скрежещут шестерёнки от нажима.
Клекочет перепуганной совой
До беспредела сжатая пружина...

Но Часовщик скривился: «Ерунда!
Не подлежит: рассыплется, чуть трону!»
И я его – живой! – не без труда
Меняю на бездушный электронный.

Фото Людмилы Калягиной, Москва (Россия).